

Десять лет назад он прославился на весь мир в "Голубой бездне" Бессона. Сейчас, когда этот фильм торжественно выпускается в повторный прокат, имя Жан-Марка Барра фигурирует в афишах четырех новых пенит.

Ему 37 лет, а он до сих пор ни разу не снялся в рекламе молока, кроссовок или нового одеколона. Анекдотичный случай. Год назад, по словам Барра, его спутали с Эриком Серра.

"Но это не странно, — добавляет он. — Я переживу, если меня назовут Эриком. Единственное, чего я не хочу, — чтобы меня называли Жаком!"

Имеется в виду Жак Майоль — герой Барра из "Голубой бездны".

"Пока мы снимали этот фильм, у меня было чувство, что я просто делаю свою работу, — признается Барр. — А когда "Голубая бездна" вышла в прокат, я понял, что меня больше нет. Жан-Марк Барр испарился, остался только Жак Майоль. Все называли меня Жаком. Даже друзья. Поверьте, это страшно. Мне казалось, что я сошел с ума. Я всерьез подумывал о том, чтобы сменить профессию. Мне не хотелось быть актером. Я был уверен, что отныне мне будут предлагать только роли водолазов. В аэропортах, магазинах, лифтах и коридорах звучала музыка из "Голубой бездны". Повсюду висели плакаты с моей физиономией. Я буквально ощущал, как растворяюсь в приторном сиропе шоу-бизнеса. У меня было

такое чувство, словно меня преда-ли".

Тогда, 10 лет назад, Барр твердо решил: отказываться от всех коммерческих предложений. Он не будет звездой, не станет играть одного романтического героя за другим, и тем более не намерен пытаться счастья в Голливуде. "Мне была отвратительна мысль о том, что меня сделают "героем месяца" или пригласят в очередной фильм для малолетних, — говорит он. — Я слишком хорошо знал, что меня ждет по ту сторону океана".

Дитя двух культур, Жан-Марк Барр считает себя франко-американцем. В молодости он жил в Калифорнии, позировал для журналов, но предпочел делать лицедейскую карьеру в Европе "чтобы не лишиться мозговых извилин".

"Голубая бездна", снятая в Европе на английском языке, сделала Барра как раз тем, кем ему хотелось быть меньше всего — героем-любви на голливудский манер.

"Я так и не понял, что случилось, — говорит он 10 лет спустя. — Когда мы снимали, все казалось очень одухотворенным и небанальным. А зрители увидели в фильме подводный Диснейлэнд с дельфинчиками и мною в роли Белоснежки поплам с Русалочкой!"

Многие годы, признается Барр, ему пришлось "страхивать с себя Майоля". Его звали на роли любовников, он был согласен на все остальное. Барр отказался от "Королевы Марго". Отказался от "Индокитая". Сыграл польского шахтера в фильме "Костер" Эрика Барбье. Последняя лента задумывалась интересно, но результат всех разоча-

Жан-Марк Барр — экран и сцена. — 1998. — сент. — (W36-57). — С. 12, 13

Мишель БАЙЕН

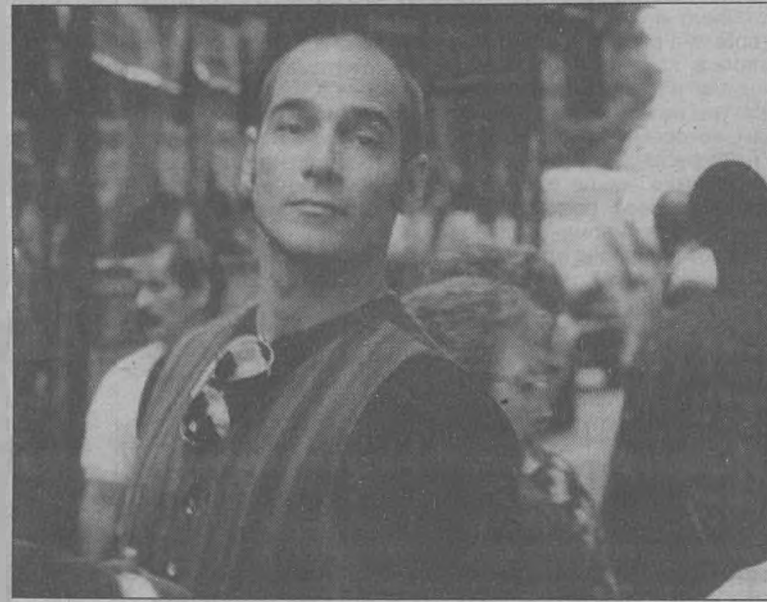
ровал. Первая же роль, выбранная Барром самостоятельно, обернулась провалом.

К счастью, пришло спасение в лице Ларса Фон Триера. Датский режиссер искал исполнителя главной роли в свой новый фильм "Европа" — актера-американца немецкого происхождения. Герой фильма возвращался в Германию после Второй мировой войны, чтобы принять участие в восстановлении страны.

По национальным параметрам Барр подходил: родился в Германии, отец — американский летчик, мать — француженка. Фон Триер посмотрел кассету с "Голубой бездной", после чего решил встретиться с Барром лично.

Жан-Марк помнит тот день так, словно это было вчера.

"Мне он показался очень странным человеком, — рассказывает он о Фон Триере. — Но, несомненно,

интересным. Во время нашей встречи Ларс показался мне озабоченным и грустным. Я спросил его, почему он хмурится. Потому что я ему не подхожу? Пусть он скажет мне прямо, я не обижусь. Нет-нет, говорит он, пробы здесь совершенно ни при чем. Дело в том, что у него только что умерла мать. Я, естественно, выражаю ему свои соболезнования. Нет-нет, отвечает он, дело не в этом. Дело в том, что за час до смерти мать объявила ему, что его отец на самом деле ему не отец. Я подумал — он что, издевается надо мной, этот тип?"

В то время Ларс Фон Триер был в самой гуще иудаистских исканий. Узнав, что он не еврей, режиссер через две недели перекрестился в католичество.

Жан-Марк Барр очень хорошо понял Фон Триера: ведь в юности он сам хотел уйти в монастырь. Они быстро подружились, а после показа "Европы" в Каннах Фон Триер предложил Барру пакт: съемки в его экспериментальном фильме длиной в 30 лет из расчета 3 минуты в год.

"Мне было так приятно думать, что я имею гарантию актерской работы до 60 лет", — смеясь, вспоминает он.

Барр дал согласие сниматься в "Измерении" — так называется фильм Фон Триера. Они продолжают работать вместе — Барр сыграл

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

у Фон Триера небольшую роль в фильме "Рассекая волны". "Я приехал в Копенгаген, когда они заканчивали делать плакат "Волн...", — говорит он. — Мое имя красовалось на афише крупными буквами. Ну как, спрашивает Фон Триер, нравится? — Да, но где же твоя фамилия, Ларс, я ее не вижу... Он расхохотался".

Фон Триер говорит, что Барр — единственный человек в мире, который способен его рассмешить. "Наверное, потому что у меня американское представление о смешном", — пожимает плечами Барр, когда его просят поделиться секретом.

Однако представление о кинопроцессе у него явно не американское. Чего стоит высказывание: "Я больше горжусь своей маленькой ролью в "Рассекая волны", чем главной ролью в "Голубой бездне"!"

Манифест "Догма-95", выпущенный Фон Триером и его соратниками, вызвал неоднозначную реакцию в кино кругах, но Барр говорит, что поддерживает идеи Фон Триера на все сто процентов. "Это гениально. Кинематограф, не разрушающий реальность, а продолжающий ее. Это самый творческий метод работы в кино".

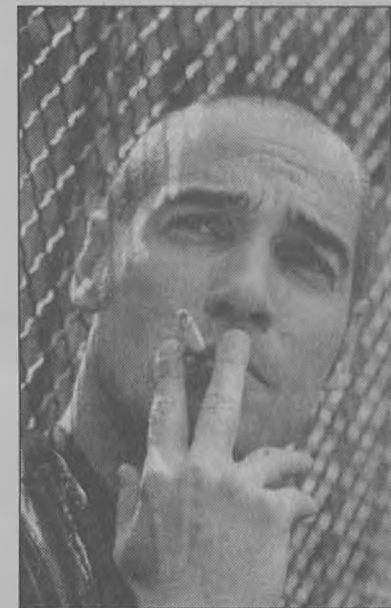
Барр в последнее время много размышляет о режиссуре и собирается попробовать себя в качестве

постановщика. Говорить о своей будущей режиссерской работе он категорически отказывается; максимум, что из него удастся выжать, — что снимать он будет не раньше, чем через год-два. "Я пока еще незрел". И еще он намерен придерживаться принципов хартии "Догмы-95". А как насчет цензуры? Ведь "догматики" обычно без утайки показывают все, что присуще человеческой натуре?

"Думаю, к тому времени фильмы можно будет показывать через Интернет, — серьезно отвечает Барр. — Это решит все проблемы с цензурой. Режиссер будет выходить на зрителей без посредников".

В ожидании этого времени Барр не сидит сложа руки. Раньше он снимался от случая к случаю. Были неудачи ("Мошеники"), были неплохие работы ("Чума", "Любимый сын"), но, по словам Барра, он просто зарабатывал на жизнь. Сегодня картина меняется.

То ли теперь он зарабатывает деньги на режиссерский проект, то ли ему надоело говорить "нет", но в последние два года он говорит "да" всем, кто приглашает его сниматься. Летом на французские экраны вышло целых четыре фильма с его участием: "Без ума от нее" с Офели Винтер, "Предпочтение" с Анной Галиеной, "Мой капитан — человек чести" (режиссер Массимо Спано) и "От этого не отказываются" Эри-

ка Форэ, где партнершами Барра стали Изабель Рено и Жюли Гэе. На подходе — "Все для любви" (английская комедия с Ричардом И. Грантом) и "Я не хотел бы слохнуть в воскресенье" Дидье Ле Пешера с Элоди Буше. Неплохие темпы. Три последних фильма особенно дороги сердцу Барра. "В остальных я снимался просто для тренировок — учился пилифовать сценарии. Вернее, делать так, чтобы никого не обижать такими фильмами. После этого так приятно играть в фильме, где не нужно заботиться ни о чем, кроме собственно актерской игры".